

ТУРКМЕНИСТАН ССР ЫЛЫМЛАР АКАДЕМИЯСЫ

ТАРЫХ, АРХЕОЛОГИЯ ВЕ ЭТНОГРАФИЯ ИНСТИТУТЫ

ТАРЫХ,
АРХЕОЛОГИЯ ВЕ ЭТНОГРАФИЯ
ИНСТИТУТЫНЫҢ
ИШЛЕРИ

VII т.

Этнография сериясы

ТУРКМЕНИСТАН ССР ЫЛЫМЛАР АКАДЕМИЯСЫНЫҢ НЕШИРЯТЫ

Ашгабат 1963

АКАДЕМИЯ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ,
АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

т. VII

Серия этнографическая

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР

Ашхабад 1963

Под редакцией кандидатов исторических наук
С. Г. Агаджанова и А. Джикиева

ОТ РЕДАКЦИИ

Публикуемый том трудов Института истории, археологии и этнографии АН ТССР представляет собой второй выпуск научных статей по этнографии туркмен. В настоящем выпуске представлены работы, посвященные отдельным вопросам материальной и духовной культуры, а также этнической истории туркменского народа. Значительная часть предлагаемых статей касается дореволюционного периода истории и этнографии туркмен.

В предлагаемом выпуске социально-политические и этнические названия даны в соответствии с общепринятой в советской исторической науке транскрипцией. Географические наименования приводятся в написании, соответствующем времени их конкретного упоминания. Названия административных областей, существовавших до реорганизации промышленности и сельского хозяйства по территориально-производственному принципу в 1963 г., даны в их прежнем написании. Термины «племя», «род» и т. д. в применении к туркменам XIX — первой четверти XX в. употребляются в условном историко-этнографическом значении. Применение этих терминов к туркменам указанной поры нельзя рассматривать в аспекте родо-племенной терминологии периода первобытнообщинного строя. Туркменское общество XIX — первой четверти XX в., как известно, представляло собой классовое общество под патриархальной, родо-племенной оболочкой. Именно под этим углом зрения и следует рассматривать термины «род», «племя», употребляемые в публикуемых работах.

Считаем своим приятным долгом выразить благодарность научному сотруднику Института этнографии АН СССР, канд. истор. наук Г. П. Васильевой, сделавшей ценные замечания при просмотре статей предлагаемого сборника.

При подготовке рукописей статей к набору большую помощь оказал научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии АН ТССР А. Оразов.

Я. Р. ВИННИКОВ

ЭТНИЧЕСКАЯ КАРТА ТУРКМЕНСКОЙ ССР

Предлагаемая карта, составленная на основе данных Всесоюзной переписи населения 1959 г., отражает картину современного расселения туркмен и других национальностей на территории ТССР.

Туркменский народ, составляющий в настоящее время 61 процент населения республики, на протяжении всей своей многовековой истории, вплоть до национально-государственного размежевания республик Средней Азии, не представлял единого целого. Так, 43,2 процента туркмен, обитавших в пределах Марыйской и Ашхабадской областей, входили в состав Туркестанского генерал-губернаторства царской России, 29,8 процента туркмен находились в составе Хивинского ханства (районы Ташаузской области), остальные 27 процентов туркмен, живших по среднему течению р. Аму-Дарьи, входили в состав Бухарского эмирата¹.

Только при Советской власти в результате проведенного в 1924 г. национально-государственного размежевания республик Средней Азии осуществилась вековая мечта туркменского народа о создании своего единого независимого национального государства. «Проведение нацразмежевания, — говорил М. И. Калинин, — не является актом, продиктованным свыше и надуманным в условиях кабинетной работы, а сделалось отражением действительных чаяний и ожиданий трудовых народов, населяющих Советский Восток»².

С образованием Туркменской Советской Социалистической Республики в результате успешного претворения в жизнь

ленинской национальной политики туркменский народ под руководством Коммунистической партии и при помощи великого русского народа сделал в своем развитии гигантский скачок вперед, совершив за короткий исторический период путь от отсталого патриархально-феодалного общества к социализму, минуя мучительную стадию капиталистического развития, от бесправия — к советской демократии, равноправию и национальной государственности, от вековой нищеты и темноты — к зажиточной и культурной жизни.

В этом процессе были созданы условия для постоянного роста численности населения и изменения характера его расселения. Сравнивая численный и этнический состав населения переписи 1926 г. с данными переписей 1939 и 1959 гг., легко обнаружить эти огромные изменения. Так, общая численность населения Туркмении с 1001,6 тыс. человек в 1926 г.³ увеличилась до 1254,0 тыс. (или на 20,9 процентов) в 1939 г.⁴ и до 1516,0 тыс. человек (или на 50,8 процентов) в 1959 г.⁵ В районах Марыйской области численность населения с 1926 по 1959 г. увеличилась на 50,6 процента, а по Ташаузской области — на 35,2 процента⁶. При увеличении численности населения за период с 1939 по 1959 г. в целом по Советскому Союзу на 9,5 процента население республик Средней Азии и Казахстана возросло на 38 процентов⁷.

Такой значительный рост численности населения по отдельным областям и по республике в целом объясняется высоким естественным приростом, а также значительным притоком населения из других областей и национальных республик СССР. Приток населения был обусловлен созданием и бурным развитием в Туркменской ССР нефтяной, химической, газовой, полиграфической, текстильной и пищевой промышленности, строительством фабрик, заводов и предприятий по переработке продукции земледелия и животноводства, а также новым крупным ирригационным и дорожным строительством (например, Каракумского канала, железной дороги Чарджоу — Тахиа-Таш и многих других объектов).

Бурный рост численности населения сопровождался значительным изменением и его национального состава. Изменения удельного веса отдельных национальностей в общей численности населения характеризуются следующими данными:

³ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 16. М., 1928, стр. 2.

⁴ СССР. Административно-территориальное деление союзных республик. М., 1940, стр. 12.

⁵ Уровень образования, национальный состав, возрастная структура и размещение населения СССР по республикам, краям и областям (по данным Всесоюзной переписи населения 1959 года). М., 1960, стр. 16.

⁶ Там же, стр. 16.

⁷ Там же, стр. 22.

¹ История Туркменской ССР, т. II. Ашхабад, 1958, стр. 249.

² «Туркменская искра», № 4, 1924.

Национальности	Переписи				
	1926 г.		1959 г.		1959 г. в % к 1926 г.
	численность, тыс. чел.	% к общему числу населения	численность, тыс. чел.	% к общему числу населения	
Туркмены	719,8	71,8	923,7	60,9	128,3
Узбеки	105,0	10,4	125,2	8,2	119,2
Уйгуры	0,7	0,1	0,8	0,1	114,3
Каракалпаки	1,5	0,2	2,5	0,2	166,6
Казахи	9,5	0,9	69,6	4,6	732,7
Татары	4,8	0,4	29,9	1,9	622,9
Азербайджанцы	4,2	0,4	12,9	0,8	307,1
Русские	75,4	7,5	26,2	17,4	348,8
Немцы	1,3	0,1	3,6	0,2	161,5
Армяне	13,9	1,3	19,7	1,3	148,9
Белуджи	10,0	1,0	7,8	0,5	78,0
Курды	2,3	0,2	2,3	0,2	100
Персы (иранцы)	7,1	0,7	4,1	0,3	57,8
Другие национальности	51,0	5,0	49,6	3,3	93,2
И т о г о	1001,6*	100	1516,4**	100	150,8

* Всесоюзная перепись населения 1926 г., стр. 6—7.

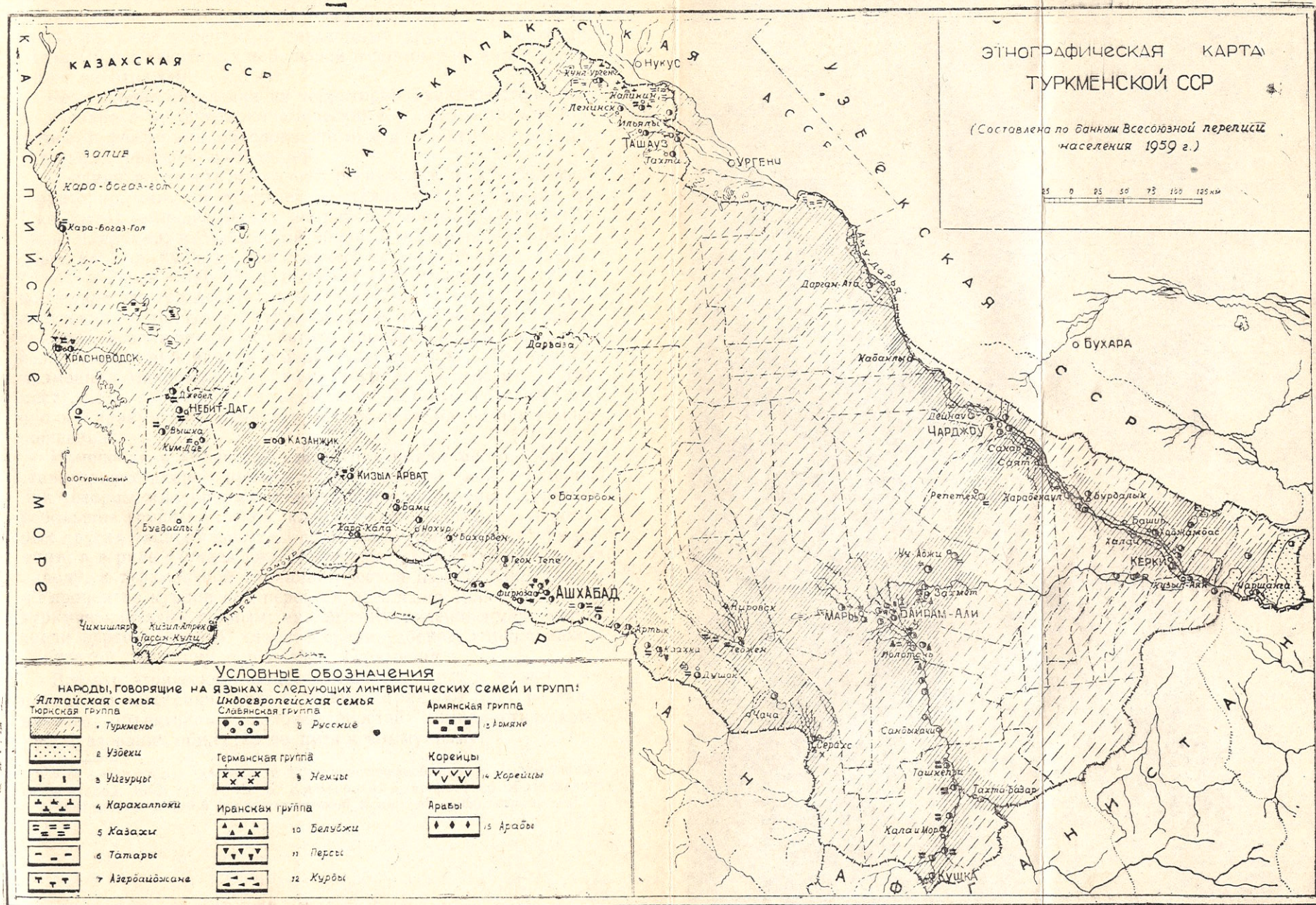
** Уровень образования, национальный состав, возрастная структура и размещение населения СССР по республикам, краям и областям (по данным Всесоюзной переписи населения 1959 года), стр. 16.

Из этих данных видно, что туркмены при общем численном росте с 1926 по 1959 г. на 28,3 процента имеют снижение по удельному их весу на 10,9 процента в общей численности населения республики. Они, как это наглядно показано на этнической карте, расселены компактно, составляя большинство населения по всем районам республики.

Что касается расселения других народов с 1926 по 1959 г., то его в общих чертах можно представить в следующем виде.

Русские проживают главным образом в городах и поселках городского типа. Небольшой их процент представлен среди сельского населения. Численность русского населения с 1926 по 1959 г. возросла в 3,5 раза.

Узбеки по своей численности занимают среди населения Туркменской ССР третье место. Они живут небольшими локальными группами в Ташаузском районе, в окрестностях Куня-Ургенча и Ильялы Ташаузской области, в Чаршангинском, Куйбышевском, Фарабском, Дарган-Атинском в Чарджоуском районах Чарджоуской области.

Карта составлена кандидатом исторических наук Я.Р. Визитовым

В городах и поселках городского типа, в совхозах, а также в некоторых колхозах республики население живет смешанно. Оно в большинстве представлено туркменами, русскими, реже узбеками и некоторыми другими народами, удельный вес некоторых небольшой и поэтому на карте расселения не отражен.

Размещение населения на территории Туркменистана тесно связано с историко-экономическими и хозяйственно-природными факторами, обусловившими ход развития и освоения отдельных районов и областей.

Средняя плотность населения республики из-за большой территории, занятой пустыней, составляет 3,3 человека на 1 кв. км. В земледельческих же районах плотность населения иная: например, в Марыйской области она достигает 100 человек на 1 кв. км, в долине среднего течения р. Аму-Дарьи—75—80 человек и 50—60 человек—в Ташаузской области. За последние два-три десятилетия заметно повысилась плотность населения не только вокруг множества промышленных предприятий, возникших в результате преобразования народного хозяйства республики (в районе Красноводска, Небит-Дага, Безмеина, Ашхабада, Чарджоу, Гаурдака и многих других мест), но и вдоль железной дороги Чарджоу—Тахиа-Таш, вдоль Каракумского канала и, в частности, на землях нового орошения⁸.

Изменения в характере расселения имели место и вследствие происходящего процесса национальной консолидации, при котором живущие в соседстве или в окружении туркмен небольшие группы узбеков, каракалпаков, казахов и некоторых других национальностей постепенно сливаются с туркменами, а в ряде случаев уже причисляют себя к туркменскому народу, к туркменской социалистической нации. Так, около 40 процентов курдов при перепеси населения 1959 г. назвали туркменский язык родным; аналогичное явление имело место среди персов (ираны), отчасти среди узбеков, каракалпаков и казахов, живущих в пределах Туркмении.

Все эти этнические процессы, наблюдаемые в жизни современного населения Туркменистана, отражают одну из важнейших объективных закономерностей социалистического преобразования общества по пути к коммунизму.

⁸ Материалы XV съезда Коммунистической партии Туркменистана. Ашхабад, 1959, стр. 7; Ш. Б. Батыров. К вопросу об образовании и развитии туркменской социалистической нации. М., 1960, стр. 6 и 7.

Г. П. ВАСИЛЬЕВА

ИЗ ИСТОРИИ ТУРКМЕНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНЫХ РАЙОНОВ ТАШАУЗСКОЙ ОБЛАСТИ

В новейшей литературе по истории и этнографии северных туркмен в общих чертах освещен вопрос об освоении ими территории Хорезмского оазиса в позднесредневековый период¹, рассматриваются вопросы заселения туркменами отдельных районов Хорезмского оазиса², исследуется расселение и перемещение северных туркмен в один из периодов их истории³. Задача данной статьи состоит в том, чтобы проследить историю смены одних групп туркменского населения другими в западных районах оазиса и по возможности выявить причины их тесной связи именно с этими окраинными районами оазиса.

Степень освоения земель в Средней Азии, как известно, зависит от возможности их регулярного орошения. Это положение чрезвычайно наглядно иллюстрируется на примере земель в западной части Хорезмского оазиса.

¹ Г. Е. Марков. Очерк истории формирования северных туркмен. Изд-во МГУ, М., 1961; Он же. К вопросу о формировании туркменского населения Хорезмского оазиса. Сов. этногр., 1953, № 4.

² Б. В. Андрианов, Г. П. Васильева. Опыт археолого-этнографического изучения покинутых туркменских поселений XIX в. Изв. АН ТССР, 1957, № 2; Б. И. Вайнберг. К истории туркменских поселений XIX в. в Хорезме. Сов. этногр., 1959, № 5; Она же. Туркменские поселения по Дарьялыку. Материалы Хорезмской экспедиции, вып. 4, М., 1960; Г. Е. Марков. Из этнической истории туркменского народа. Краткие сообщения Института этнографии, вып. 29, М., 1958.

³ Ю. Э. Брегель. Расселение туркмен в Хивинском ханстве в XIX в. (по материалам архива хивинских ханов). В сб.: Страны и народы Востока, вып. 1. М., 1959; Г. П. Васильева. Объяснительная записка к карте Ташаузской области. В кн.: Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана, вып. 1. М., 1961. Труды Института этнографии, вып. 48.

Эти земли, расположенные в хвостовых частях оросительных систем левого берега Аму-Дарьи и принадлежащие к числу земель древнего орошения Хорезма, на протяжении всей своей истории то осваивались и заселялись, когда в каналах, проходящих по ним, появлялась вода, то вновь пустели, когда в силу тех или иных причин вода в этих каналах исчезала.

Если посмотреть на карту расселения туркмен в Хорезмском оазисе⁴ накануне коллективизации, то можно легко заметить, что наибольший процент туркменского населения падает именно на западные районы оазиса, граничащие с пустыней.

Такая особенность имеет свои исторические причины: полукочевники-туркмены, издавна сочетавшие занятие земледелием со скотоводческим хозяйством, старались не удаляться от пастбищ в пустыне, где паслись их стада, и поэтому селились на окраинах оазисов⁵. Этим позднее (XVIII—XIX вв.) воспользовалось хивинское правительство, наделявшее поступающих к нему на военную службу туркменских нукеров участками, расположенными на концах каналов, благодаря чему оно имело возможность держать туркмен в подчинении, закрывая в случае их неповиновения каналы плотинами и прекращая доступ воды на туркменские пашни. Вместе с тем постоянная зависимость земледельческого хозяйства от политических условий и частые колебания водного режима⁶ стимулировали развитие полукочевого характера хозяйства туркмен до самой Октябрьской революции.

Туркменские племена, издавна этнически связанные с населением Хорезма, жили на территории оазиса и в средние века. А. Ю. Якубовский писал, что уже в XIII в. «почти весь земледельческий Хорезм, в том числе и города, говорили по-гузски (по-туркменски)»⁷. Однако в тот период туркмены, как и некоторые другие народы Средней Азии — казахи, каракалпаки, — еще не сложились в народность. Для туркмен этот процесс завершился уже в послемонгольский период, к XV в.⁸

В период господства монголов в Средней Азии происходит формирование основных туркменских племен, включивших в

⁴ Г. П. Васильева. Объяснительная записка к историко-этнографической карте Ташаузской области Туркменской ССР. Материалы к историко-этнографическому атласу, стр. 32 и 33.

⁵ См. Я. Г. Гулямэв. История орошения Хорезма. Ташкент, 1957, стр. 183.

⁶ Там же, стр. 199, 201, 216—222 и др.

⁷ А. Ю. Якубовский. Феодалное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв. В кн.: Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, ч. 1, вып. 3, Л., 1932, стр. 23.

⁸ История ТССР, т. 1, кн. 1. Ашхабад, 1957, стр. 325.

свой состав самые разнородные этнические компоненты. Об этом в свое время писал и Г. И. Карпов⁹.

В некоторых случаях позднесредневековые туркменские племена сохраняли древнее ядро и старотуркменские названия (салыры, човдоры, игдыры и т. д.), в других — племя формировалось из различных новых этнических групп¹⁰, получая название по имени одной из них или называясь именем предводителя и т. д.

Занимая обширные степи к западу от Хорезмского оазиса, туркмены в XIV—XVI вв. вели земледельческое хозяйство на Верхнем Узбое, вокруг озера Сарыкамыш и на Дарьялыке¹¹. Культура этих туркменских племен того времени была близка к хорезмской¹². По мере уменьшения тока воды по Узбою и усыхания Сарыкамышского озера земледельческие туркменские племена передвигались к оазисам в Южную Туркмению и Хорезм.

Дольше других сохранялся земледельческий район туркмен по Дарьялыку¹³. Центром его был Вазир, посещенный в 1558 г. английским путешественником А. Дженкинсоном.

Этот район, расположенный к западу и северо-западу от современного Куня-Ургенча, в XVI в. «ставший районом особенно интенсивного смешения тюркских (туркменских и узбекских) и тюркизованных хорезмских элементов»¹⁴, в последующие века продолжал оставаться местом обитания туркмен, не покидавших его даже в периоды, когда прекращалось орошение земель этого района. Когда в каналы переставала поступать вода, обитавшие здесь туркменские племена переходили к кочеванию или на время уходили, уступая место другим, скотоводческим туркменским племенам.

⁹ Г. И. Карпов. Туркмены-огузы. Изв. Туркменского филиала АН СССР, 1945, № 1, стр. 8.

¹⁰ См. рассказ Абульгази об образовании племен хызыр-эли, али-эли и др. в кн.: А. Н. Кононов. Родословная туркмен. Сочинение Абульгази, хана Хивинского. М.—Л., 1958, стр. 76.

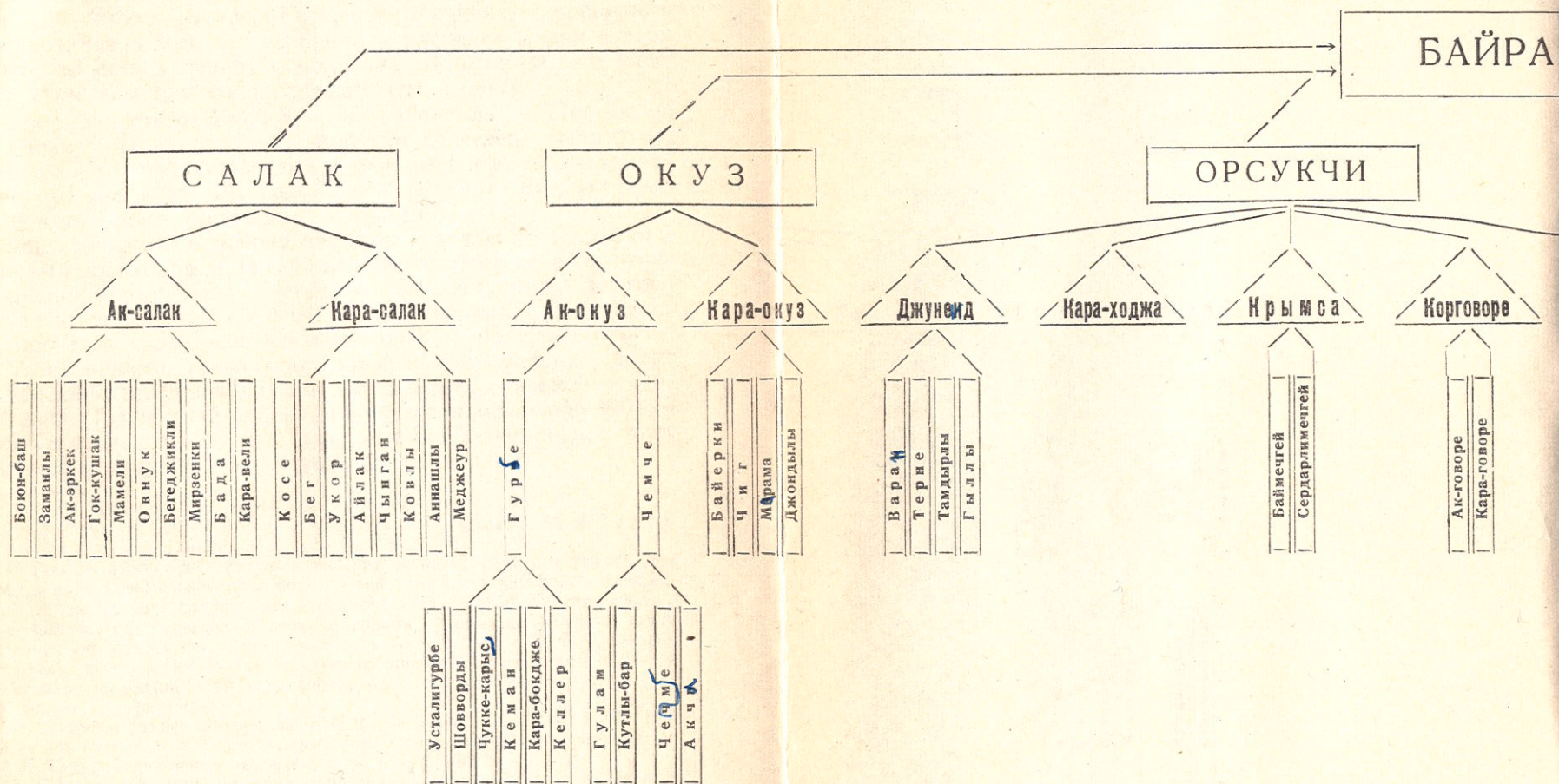
¹¹ В настоящее время благодаря работам Хорезмской экспедиции этот факт уже не вызывает сомнения. См. С. П. Толстов. Археологические исследования Хорезмской экспедиции в 1952 г. Вестник АН СССР, 1953, № 8, стр. 45; С. П. Толстов, А. С. Кесь, Т. А. Жданко, История средневекового Сарыкамышского озера. В кн.: Вопросы морфологии и палеогеографии Азии, М., 1955; Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш и Узбой. История формирования и заселения. В кн.: Материалы Хорезмской экспедиции, вып. 3, М., 1960.

¹² Низовья Аму-Дарьи..., стр. 253.

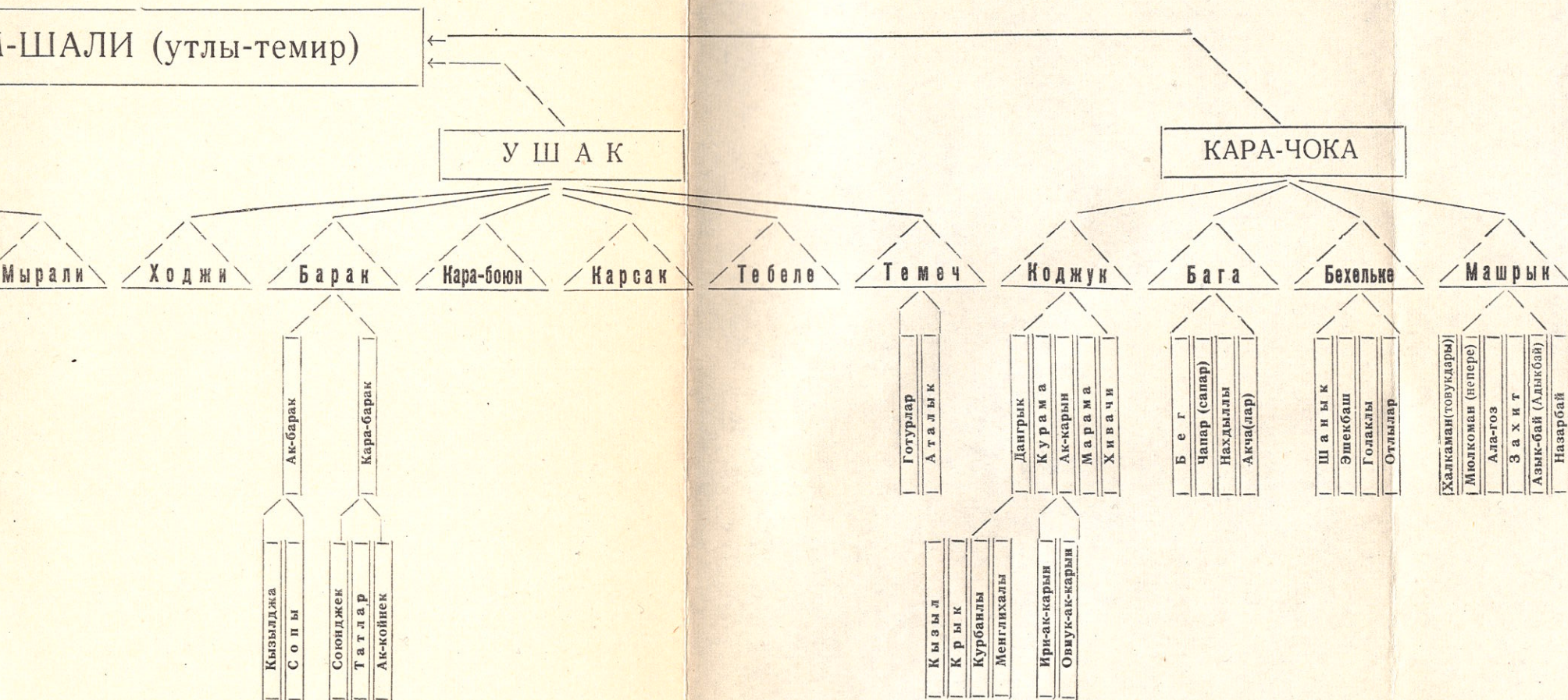
¹³ Там же, стр. 201, 347.

¹⁴ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, стр. 314. В. В. Бартольд совершенно определенно говорит, что в середине XVI в. туркмены-земледельцы жили также возле Ургенча (то есть Куня-Ургенча), где в то время оставалось и земледельческое «сартовское» население. См. В. В. Бартольд. Очерк истории туркменского народа. Туркмения, т. 1. М., 1929, стр. 47.

Родовое деление

е хорезмских иомутов

Одним из первых туркменских племен, сведения о пребывании которых в этом районе сохранились до наших дней в памяти информаторов, были али-эли. Как известно из рассказа Абульгази, али-эли обитали на Среднем Узбое¹⁵ в период его кратковременного обводнения, но уже в середине XVI в. одна часть племени али-эли переселилась в Южную Туркмению¹⁶, другая — двинулась в Хорезмский оазис и, видимо, задержалась на Дарьялыке. Наши информаторы, туркмены-иомуты из Куня-Ургенчского района, хорошо помнят предания о том, что во времена расцвета жизни в этом районе, то есть в период обводнения Дарьялыка, его населяли туркмены али-эли и узбеки¹⁷ (см. схему).

Вся местность от Куня-Ургенча на востоке до Дев-Кескена (Вазир) на западе и оз. Айбугир на севере была густо заселена и хорошо обработана. Лежащие сейчас в развалинах Шемаха-Кала (Терсек), Дев-Кескен (Вазир), Ширван-Кала были в то время цветущими городами¹⁸.

Запустение этого района народные предания связывают с набегами калмыков и прекращением вследствие этого тока воды по старому руслу Аму-Дарьи — событиями, действительно имевшим место в XVII в.¹⁹ В преданиях иомутов не упоминаются хызыр-эли, часть которых — адаклы-хызыр — в XVI в., видимо, также жила на юге этого района; однако хорезмские хыдыр-эли помнят, что в места современного их обитания (Гурленский район) они переселились около 400 лет назад с запада из-за того, что калмыки перегородили реку плотинами и закрыли доступ воды на их земли²⁰.

¹⁵ А. Н. Кононов. Родословная туркмен..., стр. 76.

¹⁶ История ТССР, т. 1, кн. 1, стр. 385; см. также Г. И. Карпов. К истории туркмен али-эли. Сов. этногр., 1947, № 3.

¹⁷ Говоря о земледельческом населении Куня-Ургенчского района, мы имеем в виду туркменское население. О том, что часть узбеков, оставшихся в Старом Ургенче после ухода его населения в Новый Ургенч, продолжала заниматься земледелием вокруг города, упоминает в своей книге «Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи...» В. В. Бартольд (стр. 112). Однако, поскольку предметом нашего внимания является туркменское население этой территории, мы и в дальнейшем будем говорить только о туркменах.

¹⁸ Полевые записи автора за 1948 г., № 1, 8, 17 и др.; Г. П. Васильева. Отчет о работе туркменского этнографического отряда в 1948 г. Труды Хорезмской экспедиции, т. 1, стр. 452.

¹⁹ Однако истинная причина запустения Дарьялыкского оазиса в XVII в. заключалась в перемещении основного направления вод Аму-Дарьи в Аральскую впадину вследствие восстановления оросительных систем Южного Хорезма. См. Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш и Узбой. (История формирования и заселения). В кн.: Материалы Хорезмской экспедиции, вып. 3, М., 1960, стр. 201.

²⁰ Г. П. Васильева. Работы Туркменского этнографического отряда в 1954—1956 гг. Материалы Хорезмской экспедиции, вып. 1, М., 1959, стр. 174.

Безводье заставило али-элинцев, основным занятием которых было земледелие, уйти из-под Вазира далее на восток. Возможно, причиной ухода али-эли из района Ургенча было не только безводье, но также стремление других туркменских племен освоить земли Хорезмского оазиса. В этом отношении интересна легенда, записанная нами в 1956 г. в Ленинском районе от 85-летнего туркмена Хуммета Юсупова. Она гласит о том, что в давние времена (деслап) али-эли жили возле нынешнего Куня-Ургенча и были богатым земледельческим народом. Иомуты в это время обитали на Гюргене и Балханах. В один голодный год иомуты приехали за хлебом в Хорезм и обратились к Карры-алоу-баба (верховный ишан туркмен) с просьбой посодействовать им в покупке хлеба у али-эли. Карры-алоу-баба договорился с али-эли о том, что они продадут посланцам иомутов зерно и не тронут их. Однако али-эли, продав зерно, устроили засаду иомутам, возвращавшимся с зерном в свои края, ограбили их и убили 2000 человек. Карры-алоу-баба не оставил безнаказанным вероломный поступок али-эли. Он попросил аллаха, чтобы тот наказал их²¹. На али-элинцев напали различные болезни, вода затопила их дома. Многие из них погибли, большинство оставшихся разбежалось. На их места впоследствии пришли иомуты. О том, где поселились али-эли, покинув берега Дарьялыка, не говорят ни известные нам туркменские предания, ни исторические источники. Али-эли упоминаются при описании реформы, проведенной Абудьгази в середине XVII в., в числе 14 мелких племен (онтурт-уруг), присоединенных к четырем основным узбекским группам (тупз). Али-эли и джелаиры были присоединены к кытатам и, наряду с другими, наделены землей в Хивинском оазисе²². Как сложилась судьба этой группы в Хорезме в дальнейшем — неизвестно. Можно лишь предполагать, что, живя среди узбеков, али-эли постепенно слились с ними и потеряли связь со своими соплеменниками. Али-эли неоднократно упоминаются в хивинских хрониках при описании событий XIX в. Вероятно, они были переселены в Хорезм Алла-Кули-ханом из Южной Туркмении²³.

В. Г. Мошкова, ссылаясь на В. В. Бартольда, утверждала, что в XVII в. на Дарьялыке находилась большая группа

²¹ По другой версии, записанной Г. И. Карповым в Каахкинском районе, предки али-эли, жившие на Сумбаре, также были наказаны Карры-алов-пиром за вражду между ними.

²² Фирдаус-уль-Икбал. Материалы по истории туркмен и Туркмении (МИТТ), т. 2, М.—Л., 1938, стр. 328.

²³ История царствования Алла-Кули-хана. Извлечения из «Рияз-уд-довле» Агехи. МИТТ, т. 2, стр. 458; об этой группе али-эли в период их жизни в Хорезме см. Ю. Э. Брегель. Указ. работа, стр. 249.

эрсари, вытесненная с Мангышлака ногайцами²⁴. Как долго находились эрсари в этом районе, неизвестно; в наших полевых материалах нет сведений об этой группе туркмен. Иомутские предания говорят о том, что на землях али-эли, ушедших из-под Куня-Ургенча 200 лет назад (то есть в середине XVIII в.), поселились гоклены, известные своими земледельческими традициями²⁵. По письменным источникам, гоклены появились в Хорезме только в начале XIX в.²⁶, однако устные предания теперь уже не единственный источник сведений о том, что гоклены и раньше жили в Хорезме. На территории Куня-Ургенчского района прекрасно сохранился памятник их народной архитектуры, Гоклен-медресе, датируемый исследователями второй половиной XVIII в.²⁷

На чем базировалось земледелие гокленов и где находились их пашни, пока неясно, но, видимо, и в конце XVII и в течение XVIII в. воды Аму-Дарьи периодически заполняли русло Дарьялыка, несмотря на то, что по указанию ханского правительства в начале XVIII в. на протоке Карагач была построена плотина, преграждавшая доступ воды в старое русло Аму-Дарьи²⁸.

Севернее Дарьялыка, возле озера Айбугир, в XVIII в. жили човдоры²⁹. Их крепость Човдор-каласы³⁰ находилась в низовьях протока Майли-Узьяк, неподалеку от Кунграда, с которым човдоры вели оживленную торговлю. Човдоры бы-

²⁴ Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв. Ашхабад, 1954, стр. 219.

²⁵ Полевые записи автора. 1948 и 1951 гг.

²⁶ Фирдаус-уль-Икбал. События тринадцатого года царствования Мухамеда Рахима (1233 г. х. 1817—1818 гг.), МИТТ, т. 2, стр. 402; см. также Ю. Э. Брегель. Указ. работа, стр. 249.

²⁷ Б. И. Вайнберг, Г. С. Костин. Гоклен-медресе. Краткие сообщения Института этнографии, вып. 30, 1958. Правда, Ю. Э. Брегель подвергает сомнению датировку Б. И. Вайнберг и Г. С. Костина на том основании, что о пребывании гокленов в Хорезме в XVIII в. нет упоминаний в письменных источниках (Ю. Э. Брегель. Хорезмские туркмены, стр. 32); однако его аргумент недостаточен, так как письменные источники, к сожалению, дают далеко не полную картину расселения туркмен в Хорезме и дополнить ее возможно только при помощи других источников, в частности устных преданий.

²⁸ А. И. Глуховский. Пропуск вод р. Аму-Дарьи по старому ее руслу в Каспийское море. СПб., 1893, стр. 47. Вопрос об орошении района к северу от Дарьялыка в XVIII в. рассматривается в статье Б. И. Вайнберг «Туркменские поселения по Дарьялыку» (Материалы Хорезмской экспедиции, вып. 4, стр. 117).

²⁹ Полевые записи автора от 26. VI 1959 г. Ю. Э. Брегель полагает, что човдоры могли переселиться в Хивинское ханство еще во второй половине XVII в. (Ю. Э. Брегель. Хорезмские туркмены в XIX в. М., 1961, стр. 23).

³⁰ Фирдаус-уль-Икбал. МИТТ, т. 2, стр. 373, 377.

ли земледельцами; их посевы и пашни располагались вокруг протока и доходили до озера Айбугир³¹.

По данным хивинских хроник, в бывший Калининский район човдоры переселились в 1809 г., по преданиям самих човдоров,—в середине XVIII в.³²

* * *

Вторым крупным центром расселения туркмен в Хорезмском оазисе издавна была территория к северо-западу от линии Ханка—Хива; со второй половины XVII в. восточной границей расселения туркмен в этом районе стала крепость Газибад (Газават, к северо-западу от г. Хивы), возведенная Абульгази на одноименном канале для защиты Хивы от нападений³³.

Сведения о расселении туркмен к западу от Хивы мы находим прежде всего у Абульгази в его работе «Родословное древо тюрков». В начале XVII в. все туркмены, по словам Абульгази, делились на хивинских, мангышлакских и абульханских. Часть хивинских туркмен занималась земледелием в местности Даш-Кюпрюк, неподалеку от селения Ханага (современный Ханки)³⁴; число этих земледельцев-туркмен, видимо, было довольно значительным, так как на призыв хана Хивы Исфендиара «собралось до 5 тысяч простолюдин из туркмен, живших вне города» (Хивы)³⁵.

Большинство местных туркмен сохраняло полукочевой образ жизни и уходило на лето в пустыню со своими стадами, а к зиме возвращалось в Хиву. Сюда же в это время приходили за хлебом абульханские и мангышлакские туркмены³⁶.

Кроме одного случая, когда Абульгази говорит о назначенном Абдулла-ханом правителе Кята из «ургенчских туркмен-баятов» (1593—1594 гг.)³⁷, в его сочинении нигде не

³¹ Фирдаус-уль-Икбалъ. МИТТ, т. 2, стр. 374, 377; Полевые записи автора от 26. VI 1959 г.

³² Указ. работа, стр. 378; Полевые записи автора от 26 и 27. XI 1959 г.

³³ Я. Г. Гулямов. История орошения Хорезма. Ташкент, 1957, стр. 202.

³⁴ Родословное древо тюрков. Сочинение Абуль-Гази Хивинского хана. Перевод и предисловие Г. С. Саблукова. Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете, т. 22, вып. 6, Казань, 1906, стр. 272.

³⁵ Там же, стр. 276. См. также: Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана, стр. 225. Значение земледелия в этот период для хивинских туркмен, как нам кажется, было большим, чем это полагали авторы «Очерков».

³⁶ Там же, стр. 270 и 271.

³⁷ Там же, стр. 235. Вероятно, Абульгази имеет в виду туркмен, живших возле Ургенча (современный Куня-Ургенч).

упоминается о том, к какому племени принадлежали хивинские туркмены, о которых он пишет. Однако мы имеем все основания полагать, что это были туркмены-салыры.

Как известно, в XVII в., со времени воцарения Исфендиар-хана (1623—1643 гг.), салыры начали играть важную роль в политической жизни Хивинского ханства³⁸. Свое влияние на политику хивинских ханов они сохраняли почти 100 лет³⁹. В этот период бурных политических и военных событий туркмены становятся постоянными обитателями ханства и лишь иногда, в силу сложившихся обстоятельств, покидают на короткое время его пределы⁴⁰.

В народной памяти предания о жизни салыров в Хивинском ханстве сохранились до наших дней. Туркмены Тахтинского района рассказывают, что их предшественниками на занимаемой территории были туркмены ал-борикли, происходившие из племени салыров и жившие вокруг Ак-Сарая (к северо-западу от Газавата).

Поселившись рядом, иомуты установили с ними дружественные отношения и даже стали брать в жены девушек ал-борикли. Но один юноша из этого племени, невесту которого выдали замуж за иомута, убил его, и тогда иомуты стали мстить ал-борикли и вытеснять их. Ал-борикли вынуждены были искать защиты у хивинского хана, который выделил им землю возле Нового Ургенча⁴¹.

В нескольких километрах к югу от Ургенча по дороге в Хиву, на территории колхоза им. Ленина, среди узбекского населения есть обособленная группа, считающаяся по происхождению туркменами и называющая себя «ал-ойлукли»; название «ал-борикли», данное им другими туркменами, они не признают правильным. Ал-ойлукли живут в трех селениях, главное из которых Гайбу основано, по словам стариков из этой группы, около 250 лет назад их предками, бежавшими из Ак-Сарая от преследований иомутов. В результате борьбы между иомутами и салырами последние вынуждены были откочевать из Хивинского ханства на юг. В оазисе осталась небольшая группа салыров-бедняков, не имевших верблюдов для перекочевки. Оказавшись среди ино-

³⁸ Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв. Ашхабад, 1954, стр. 223 и 224.

³⁹ Мухаммед Казим. Надир-наме, МИТТ, т. 2, стр. 169.

⁴⁰ Как известно, первый массовый уход туркмен из Хорезма связан с событиями, имевшими место после прихода к власти хана Абульгази (1643—1663 гг.), который начал расправу с хивинскими туркменами за то, что они поддерживали его брата Исфендиара. Туркмены бежали в Ахальский и Тедженский оазисы, но затем силой были возвращены обратно (МИТТ, т. 2, стр. 329).

⁴¹ Полевая запись автора, № 1, 1959 г.

племенного населения, салыры стали жить обособленно и получили новое название — «ал-ойлукли», то есть чужedomовые⁴². Салыры, оставшиеся в Хорезме, поддерживали связи со своими соплеменниками из Серахса. Оборвались эти связи около 50 лет тому назад. Интересно, что среди салыров Серахского района, как сообщает А. Джикиев, есть родовое подразделение с таким же названием. Старики этого рода помнят, что их предки пришли из Хорезмского оазиса.

Мунис, описывая военные действия между войсками Мухаммед-Эмин-хана и узбекскими феодалами (1779 г.), упоминает «крепость народа ала-булюк»⁴³, а путешественник начала XIX в. Гельмерсен отмечает, что селение (кент) Ала-Буляк (Alabuläk) находилось в 5—6 км от Ургенча в сторону от г. Хивы, а население Ала-Буляка состояло из туркмен⁴⁴. Население Ала-Буляка, вероятно, состояло из ал-борикли (ал-ойлукли).

Г. И. Карпов считал ала-булюков потомками огузского племени алка-бюлюк (алкыр-эвли, по Рашид-ад Дину, алка-ойли по Абуль-гази)⁴⁵. Мнение Г. И. Карпова не лишено оснований и небезынтересно при рассмотрении вопроса об этногенетических связях современного населения Хорезмского оазиса с древним туркменским пластом. Весьма вероятно, что в средние века это племя вошло в состав сильного салырского объединения и стало одним из его родов.

В период правления Ануша-хана, сына Абульгази, в конце XVII в., были восстановлены каналы Газибад (домонгольский Мадра), Шахабад и Ярмыш (Вадак и Буве), в низовьях которых туркменам были выделены земли (на территории Тахтинского и Ильялинского районов)⁴⁶. За это туркмены должны были нести военную службу в хивинском войске.

На рубеже XVII и XVIII вв. в Хорезмском оазисе поселя-

ются иомуты. Об этом говорят как исторические источники, так и предания самих туркмен-иомутов⁴⁷.

С середины XVIII в. за иомутами закрепляются два района — территория вокруг Куны-Ургенча и к западу от Ак-Сарая. Мухаммед Казим сообщает, что по договоренности между узбекскими правителями и туркменскими старшинами было решено, что «иомуты будут жить в Куны-Ургенче, а пашни получают в районе Ак-Сарая и будут пользоваться базаром в Новом Ургенче»⁴⁸. С этого времени, несмотря на бесконечные военные столкновения между туркменами и хивинским правительством, многочисленные перемещения на территории оазиса и откочевки за его пределы отдельных групп туркмен, иомуты прочно осваивают территорию к западу от крепости Амбар-Манак, вокруг селений Ак-Сарай, Муз-Кумган (Бузгумен) и Бедеркент.

Наряду с указанными выше селениями, по данным письменных источников, одним из первых мест поселения иомутов в Хивинском ханстве считалась территория Янги-арыка на восток от Хивы⁴⁹.

Исторические источники не указывают, как расселялись иомуты на занимаемой территории: образовали ли они различные родовые группы, расселившиеся на большом пространстве, или каждый отдельный род занимал особый район. Видимо, отсутствие таких сведений привело Ю. Э. Брегеля к ошибочному выводу о том, что отдельные родовые подразделения иомутов занимали строго определенную территорию в одном месте и селились строго по родовым группам⁵⁰. Однако с помощью полевых материалов, и в частности биографических сведений, полученных от стариков-иомутов, удастся с

⁴⁷ Мунис. Фирдаус-уль-Икбаль. МИТТ, т. 2, стр. 333; Он же. История царствования Мухаммед-хана. МИТТ, т. 2, стр. 359. Мунис сообщает, что иомуты были поселены в Хорезме в царствование Ширгази-хана (1715—1728 гг.). См. также Мехди-хан Астрабадский. Тарих-и-Надири, МИТТ, т. 2, стр. 124. Мехди-хан Астрабадский пишет, что «татары (мервские) заставили вступить в союз с собой племя иомутов, которые пришли из Ургенча». Это известие относится к периоду до 1720—1725 гг. Наши информаторы говорят, что их предки поселились в Хорезме более 250 лет тому назад. Полевые записи от 14. VII 1959 г., 9. VII 1960 г. и др. См. также: Г. П. Васильева. Итоги работ туркменского отряда Хорезмской экспедиции за 1948 г. Труды Хорезмской археологич. экспед., т. I, ч. II, стр. 453. Ю. Э. Брегель предполагает, что иомуты могли поселиться в оазисе еще во второй половине XVII в. (См. Ю. Э. Брегель. Хорезмские туркмены..., стр. 23).

⁴⁸ Мухаммед Казим. Указанная работа, МИТТ, т. 2, стр. 169.

⁴⁹ Мунис. Фирдаус-уль-Икбаль. МИТТ, т. 2, стр. 338 и 341. Один из наших информаторов Халмурад Бекатаев рассказывал, что первым местом поселения иомутов рода салак в Хивинском ханстве был район Янги-яба возле Бедеркента. Полевые записи автора от 14. VII 1959 г.

⁵⁰ Ю. Э. Брегель. Хорезмские туркмены... стр. 97, 104 и др. Это положение верно только для первичных родовых подразделений туркмен.

⁴² Полевые записи автора, 1960.

⁴³ Мунис. Фирдаус-уль-Икбаль. МИТТ, т. 2, стр. 353.

⁴⁴ Beitrage Zur Kenntniss des Russischen Reiches und der angrenzenden Länder Asiens. Helmersen's. Nachrichten über Chiwa, Buchara, Chokand und den nordwestlichen Theil des Chinesischen Staates. St. Petersburg, 1839, Bd. 11, S. 27. Цитируется по МИТТ, т. 2, стр. 353, прим. 4.

На карте 1905 г., помещенной в книге В. Лобачевского «Военно-статистическое описание Туркестанского округа, Хивинский район» (СПб., 1910), указано селение Ала-Буляк на канале Газават по дороге из Ургенча в Хиву, именно там, где его помещали в начале XIX в. и где сейчас живут потомки ал-борикли.

⁴⁵ Г. И. Карпов. К истории туркмен али-эли. Советская этнография, 1947, № 3, стр. 147.

⁴⁶ Я. Г. Гулямов. Указанная работа, стр. 201.

Выясняется, что во многих случаях одни и те же родовые подразделения иомутов жили возле Куня-Ургенча и в районе Ак-Сарая, и Муз-Кумгана, что семьи куня-ургенчских и тахтинских⁵¹ иомутов были связаны узами родства (рис. 1). Следует вместе с тем отметить, что последние в основном принадлежали к отделению байрам-шали, тогда как большинство населения вокруг Куня-Ургенча составляли иомуты кара-чока.

К югу от ушаков в районе Муз-Кумгана и Бедеркента издавна жили роды окуз и салак, а на запад от них до мазара Исмамут-ата — орсукчи⁵³. Салаки располагались также вокруг базара Тахта до развалин крепости Измухшир. Там же жили группы окузов. Между родами отделения байрамшали к западу от Бедеркента поселились представители рода коджук, обосновавшиеся здесь примерно 250 лет тому назад⁵⁴. Основная же масса коджуков, так же как и иомутов кара-чока родов бага, бехельке и машрык, появилась в Хорезмском оазисе позднее — на рубеже XVIII и XIX вв., перекочевав с юга по приглашению хивинского хана⁵⁵.

История заселения туркменами западной части бывшего Ленинского района Ташауза начинается, вероятно, со второй четверти XIX в., со времени политического подъема Хивинского ханства, в годы правления хана Мухаммед Эмина

⁵² Некоторые старики-информаторы утверждают, что ал-борикли родственны ушакам и что последние женились на их девушках.

54 Полевые записи автора от 19. VII 1960 г.

55 Полевые записи автора от 14. VI 1956 г.

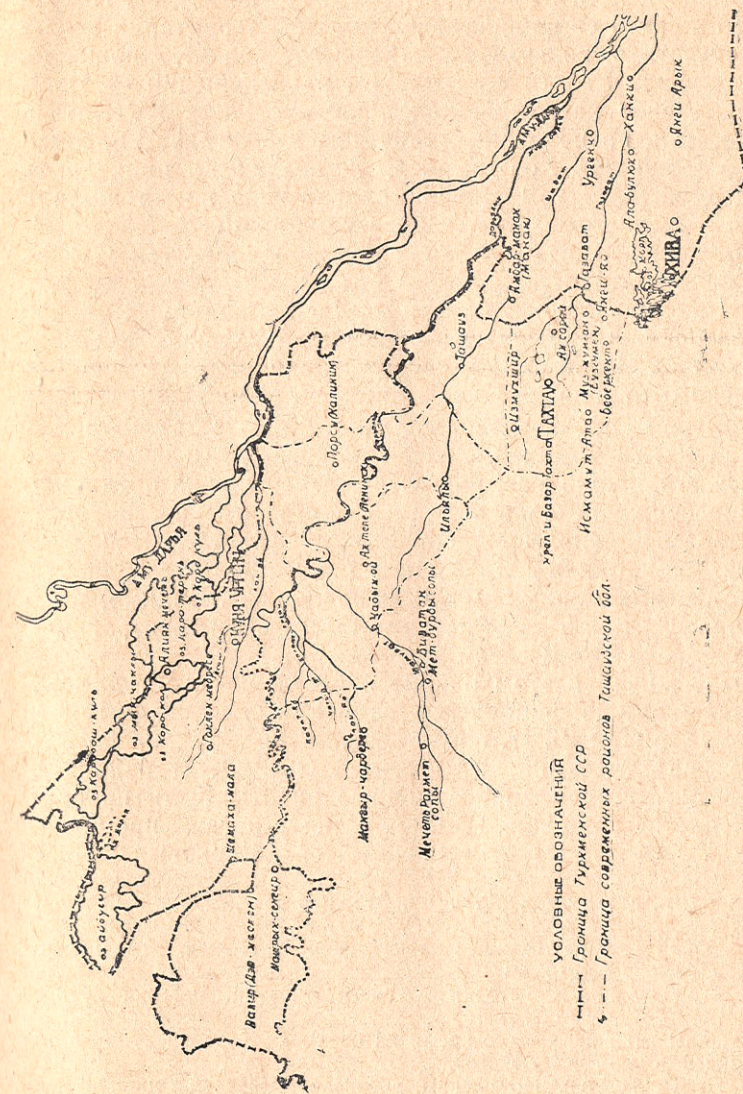

Рис. 2. Схематическая карта расселения туркмен Хорезмского оазиса XVIII—XIX вв. (левобережной части).

1846—1855 гг.) и его предшественника Мухаммед-Рахим-Кула (1842—1846 гг.). Сведения об этом периоде есть во многих письменных источниках⁵⁶, а также получены нами от информаторов. Более ранний период истории (XVII—XVIII вв.) этого района неясен не только потому, что не изучен, но скорее всего в связи со слабой заселенностью территории вследствие отсутствия воды. Исключение составляет, пожалуй, только урочище Уаз (в туркменском произношении — Вас), где туркменское население жило, видимо, и в XVII и в XVIII вв. Так, по преданиям туркмен — потомков племени улам, обитающих в Ходжамбасе, их предки до прихода в эти места, 250 лет тому назад, «длительное время жили в местности Вас на юге Хорезмского ханства»⁵⁷.

Г. И. Карпов считал туркмен племени улам, так же как род алам в составе сарахских салыров, потомками аланов, еще в XI в. выделявшихся среди населения западных окраин Хорезма по своему языку⁵⁸ и впоследствии вошедших в состав хорезмийцев⁵⁹. Часть аланов, видимо, вошла также в состав туркменского народа.

Б. И. Вайнберг, исследовавшая покинутые туркменские поселения XIX в. в западной части Хорезмского оазиса, и в частности в урочище Уаз, находит подтверждение преданиям ходжамбасских уламов в топонимике северной части урочища. Интересно, например, совпадение названий небольшой крепости Мириш-кала в Уазе с названием родового подразделения ходжамбасских уламов — мириш-кар⁶⁰. Видимо, в самом начале XIX в. в Уазе поселились текинцы, построившие там укрепление Теке-Сенгир.

Расцвет жизни в этом районе и заселение его туркменами связаны с ирригационными работами, проведенными в период с 1846 по 1855 гг. после обводнения Лаудана по приказанию хана Медемина (Мухаммед Эмина). В районе к югу от Куня-Ургенча ирригационные работы были проведены десятилетием раньше (канал Калпак-ярган прорыт в 30-х годах XIX в.). Переуглубленный средневековый канал,

⁵⁶ Например, в хрониках Муниса и Агехи, в сочинении Баяни и других авторов.

⁵⁷ А. Бахтияров. Осколки «исчезнувших» аланов. Туркменоведение, 1930, № 8 и 9, стр. 40.

⁵⁸ Л. В. Волин. К истории древнего Хорезма. Вестник древней истории, 1941, № 1, стр. 194. Автор цитирует Бируни, который пишет, что язык аланов-ассов, живших в его время на окраинах Хорезма, «смешанный из хорезмийского и печенежского».

⁵⁹ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, стр. 49.

⁶⁰ Б. Вайнберг. Топонимика как источник для истории туркмен Хорезма. Рукопись. (Доклад, прочитанный на совещании по топонимике в 1961 г.), стр. 8.

названный Шамуратом и выведенный из Дарьялыка (Шарк-роука), оросил обширные территории к югу от Куня-Ургенча и дошел до урочища Уаз. На запад от Шамурата были расчищены и прорыты каналы: Сипай-яб, Сакар-яб, Каттыг-акар и др.

Со времени орошения земель в Уазе и Ханабаде часть тахтинских иомутов переселилась в эти районы, получив там земельные участки (атлыки).

Заселение иомутами и емрели⁶¹ урочища Уаз, земель к востоку от него возле Ак-Тепе (современный поселок Ленинск) и к югу от Куня-Ургенча (Ханабад) началось в период интенсивного освоения этих земель (в 30—40-х годах XIX в.).

Иомуты получили земельные участки, наряду с узбеками и представителями других туркменских племен (теке, сакары и т. д.), на вновь орошенных территориях⁶².

Однако значительно больше иомутов и емрели поселилось на землях Уаза и Ханабада позднее, во второй половине XIX в., заняв покинутые узбеками в период туркменского восстания 1855—1857 гг. земли. Как известно, культурное освоение этой части Хорезмского оазиса кончилось очень скоро, так как после восстания по распоряжению хивинского хана земли Ханабада были лишены воды. Сооруженная на Дарьялыке плотина закрыла доступ воды в каналы, и началось постепенное запустение оазисов и, в первую очередь, западной части Уаза, хвостовой части канала Шамурат.

В середине XIX в., когда против ханской деспотии поднялись широкие народные массы туркмен, каракалпаков и узбеков, произошла смена населения в урочище Уаз, на территориях, орошавшихся каналами Сипай и Каттакар-яб. На месте ушедших из Уаза узбеков-беватанов и части текинцев поселились емрели, карадашлы и иомуты, увеличившие число ранее обитавших здесь туркмен из этих племен. Сакары ушли в Южную Туркмению. С ними покинула Хорезм и часть текинцев. В период восстания дворцы ханских сановников, выстроенные в ряде мест Ханабада, были также оставлены их владельцами.

Все реже и реже вода доходила до туркменских полей, но окончательно Уаз был оставлен земледельцами лишь в начале XX в. Многие из газаватских иомутов вернулись об-

⁶¹ Первые группы емрели переселились из Южной Туркмении в самом начале XIX в.

⁶² Баяни говорит о наделении земель в урочище Назарбай-Тегиш семей 700 конников (атлы) из кара-йылгунлы (потомки иомутских рабов). (Я. Г. Гулямов. Указ. работа, стр. 222). Многие туркмены, не получившие атлычных земель, арендовали землю в поместьях ханских сановников. Полевые записи автора, 1955 и 1959 гг.

ратно после того, как вода перестала поступать на земли Уаза и Ханабада⁶³, другие переселились дальше, к Куня-Ургенчу⁶⁴.

В конце XIX в. расселение туркмен на землях Ханабада было следующее⁶⁵.

Урочище Уаз начиналось у развилки (чатрык) двух рукавов Шамурата — северного и юго-западного, вдоль которых к северу и югу на второстепенных небольших каналах были расположены селения туркмен.

По юго-западному рукаву начиная от развилки жили иомуты (ушаки), затем — емрели и карадашли (в местности Биватан и на юго-западе от нее); по северному (в местности Чатрык) — шихи (эта группа шихов считалась родом емрели), за ними на запад (район усадьбы Мурад-Нияз-бая) — иомуты родов окуз и салак (подразделение айлак), в районе Айлак-чар-дере и мечети Айлак и далее, возле мечети Рахмет-суфи-айлака, — салаки подразделения заманлы. Между этими двумя главными рукавами Шамурата располагались иомуты (ушак и коджук в центре Уаза, возле мечети Метдурды-сопы); возле крепости Теке-Сенгир кочевало несколько семей текинцев, а дальше на запад также жили иомуты рода салак, подразделения укер.

В западной части урочища чередовались усадьбы иомутов (окуз, салак, ушак), а на юге — усадьбы емрелинцев разных родовых подразделений. По мере ослабления тока воды в урочище Уаз уменьшалось его земледельческое население и увеличивалось число скотоводов⁶⁶. Туркмены-скотоводы рыли здесь колодцы, которые снабжали их стада водой.

Земледельцы покидали Уаз постепенно, переселяясь с за-

пада на восток по мере уменьшения количества воды в арыках. Несколько десятков хозяйств иомутов рода окуз в конце XIX — начале XX в. жили по каналу Чабык-ой, в местности Чочин, расположенной несколькими километрами выше развилки канала Шамурат, где начинается Уаз. Иомуты, жившие в Чочине, были связаны экономическими отношениями и родственными узами с населением Уаза.

Другие центральные территории Ханабада по каналам Каттыг-акар (Каттакар), например Ялтыр-яб, были населены и в начале XX в. Туркмены-иомуты (основное население этих территорий после восстания 1856—1857 гг.) сочетали здесь земледелие со скотоводством, удельный вес которого увеличивался в маловодные годы. Основное население западной части Ханабада (по Каттыг-акару и Калпак-яргану) состояло из иомутов родов салак и окуз. К востоку от старинной дороги в Куня-Ургенч жили салаки (подразделения заманлы, гок-ушак, ак-эркек и др.), на запад от них — ак-окузы и кара-окузы. Возле Емрели-кала (к югу, близ развалин Мангыр-Чар-дере) жили салаки.

В местностях Махтым-ой, Таджик-ой, Кетгенли-ой, Кандум-кала, орошаемых из магистрального канала Шамурат и из Дарьялыка, жили иомуты карачока-коджук, бага, бехельке, машрык.

* * *

На северо-западе Хорезмского оазиса центром расселения иомутов, как говорилось выше, была область Куня-Ургенча. Письменные источники и народные предания указывают, что иомуты укрепились в этом районе к середине XVIII в.⁶⁷

Вероятно, еще до этого времени иомуты были связаны с населением района Вазира-Куня-Ургенча, находившегося в непосредственной близости от основных районов туркменского этногенеза — Мангышлака и Устюрта и издавна бывшего местом обитания различных туркменских племен.

Иомутское население районов Куня-Ургенча и Ак-Сарая было связано узами родства и экономическими отношениями. Так как в течение всего XVIII в. в Дарьялык вода попадала лишь в некоторые годы и очень нерегулярно, вокруг Куня-Ургенча жили главным образом иомуты-скотоводы, земледельцы же поселились вокруг Ак-Сарая и на запад от

⁶³ Б. В. Андрианов, Г. П. Васильева. Покинутые туркменские поселения в XIX в. в Хорезмском оазисе. КСИЭ, вып. 28, стр. 41; Полевые записи автора от 19 и 20. VII 1960 г. и др.

⁶⁴ Полевые записи автора от 14. VI 1956; Б. И. Вайнберг. Полевые записи, 1957.

⁶⁵ Материал о расселении туркмен в Ханабаде собран Туркменским этнографическим отрядом Хорезмской экспедиции в 1955—1956 гг., во время обследования покинутых туркменских поселений как на территории Уаза, так и в центральных районах, орошаемых Шамуратом.

⁶⁶ Численность населения Уаза, видимо, была довольно значительной, так как усадьбы располагались близко друг к другу; у зажиточной части местного населения в конце XIX в. сохранялись еще большие семьи, когда сыновья жили с отцом в одной усадьбе. Данные же о численности родов иомутов, приведенные А. Л. Куном в 1873 г. (А. Л. Кун. Очерки истории заселения Хивинского ханства с древнейших времен. Рукописный фонд ИВАН СССР, ф. № 33 2/585/6/1) и различными путешественниками, посетившими Хивинское ханство в XIX в. (Н. Н. Муравьев, Мак-Гахан, Аббот и др.), приблизительно и не содержат потерриториальной локализации иомутских родов.

⁶⁷ Мухаммед Казим. Надир-намэ, МИТТ, т. 2, стр. 169; Г. П. Васильева. Итоги работ туркменского отряда за 1948 г., стр. 452; Полевые записи автора за 1951, 1955 гг.

него, где по указанию хана им были выделены земельные наделы.

Более широкая возможность заниматься земледелием для жителей области Куны-Ургенча появилась на рубеже XVIII и XIX вв., когда в дельте Аму-Дарьи произошло значительное обводнение западных районов и мощный поток Лаудан прорвался в Айбугирскую низменность⁶⁸.

Часть иомутов-земледельцев освоила заброшенные земли в низовьях Дарьялыка. Поселившиеся здесь туркмены сочетали земледелие со скотоводством. Об этом периоде, кроме немногих упоминаний в литературе⁶⁹, мы имеем сведения наших информаторов. Часть иомутов родов орсукчи, салак, окуз более 100 лет тому назад обитала к северу от Дарьялыка и вдоль его русла, несколько западнее Куны-Ургенча, и занималась земледелием и скотоводством⁷⁰.

К северу от них, в местностях Катыллык, Соураллы, орошавшихся водой Есаул-баши, в середине XIX в. жили иомуты-земледельцы: орсукчи различных родовых подразделений — кара-ходжа, кемки, кор и говоре, а также салак.

Западнее, в местностях Булдымсаз и Кызылча-кала, жили полуоседлые иомуты родов салак и машрык⁷¹. Последние были тесно связаны с машрыками-скотоводами, жившими в районе Айбугира, и через них со своими южными сородичами — прикаспийскими иомутами. Машрыки-скотоводы кочевали на территории от озера Айбугира до местности Кара-ходжа-ой⁷².

В низовьях Дарьялыка этой группой иомутов в середине XIX в. была выстроена крепость Машрык-сенгир для защиты имущества и семей от набегов казахских феодалов с Устюрта⁷³. Крепость была сооружена наименее зажиточной частью машрыков-земледельцев. Их руками были возделаны обширные поля, лежавшие вокруг этой крепости; зажиточные же машрыки-скотоводы откочевали на юг⁷⁴. В этот же период на

⁶⁸ Б. В. Андрианов. К вопросу о географических изменениях в дельте Аму-Дарьи. Вопросы географии, сб. 24, М., 1951, стр. 329.

⁶⁹ Гиршфельд и Галкин. Военно-статистическое описание Хивинского оазиса, т. II, Ташкент, 1903.

⁷⁰ Гиршфельд и Галкин. Указ. работа, стр. 131, 135. Полевые записи автора за 1948, 1951, 1956 гг.

⁷¹ Детальная характеристика расселения отдельных родовых подразделений иомутов в середине XIX в. в дельте Дарьялыка и особенно к югу от него дана Б. И. Вайнбергом в статье «Туркменские поселения по Дарьялыку», в которой использованы также материалы Туркменского этнографического отряда за 1948, 1955 и 1956 гг.

⁷² Полевые записи автора за 1955 и 1956 гг.

⁷³ Б. В. Андрианов, Г. П. Васильева. Покинутые туркменские поселения в XIX в. в Хорезмском оазисе, стр. 39, 44 и 45.

⁷⁴ Полевые записи автора от 3. VII, 29. VII 1956 г.

Дарьялыке, к северу и югу от него, был построен ряд крепостей — Бада-Сенгир, Аталык-Сенгир, Кемки-Кала и др.⁷⁵

Охарактеризованное выше расселение иомутов на территории Куны-Ургенча было нарушено в период их восстания в 1855—1857 гг., в результате которого все земли в Ханабате, а также к западу от Куны-Ургенча остались без воды⁷⁶. В результате этих событий произошел целый ряд переселений, приведших к изменению состава населения западных районов Хивинского ханства.

В течение всей второй половины XIX в. по приказам ханов то открывалось, то вновь закрывалось плотинами течение Дарьялыка и Лаудана, из которых Хан-яб и Шамурат получали воду⁷⁷. В зависимости от периодов полного или частичного безводья туркмены, населяющие эти территории, то переходили к земледелию, то уходили со скотом в пески. Небольшая часть туркмен-иомутов получила земли возле Мангыта, в районе Куба-Тау⁷⁸.

Сложная политическая ситуация в последние два столетия, предшествовавшая установлению русского протектората над Хивинским ханством, зависимость регулярного орошения туркменских земель от политики Хивинского правительства и в связи с этим неустойчивость их земледельческого хозяйства — все это служило причиной частых переселений целых групп хозяйств из одной местности в другую в поисках более удобных орошаемых земель, поддерживало и культивировало сохранение полукочевого хозяйства иомутов.

Отдельные семьи того или иного рода, ушедшие в поисках орошаемых земель в другие районы ханства, не порывали связи со своими сородичами, оставшимися на старых местах, а иногда даже возвращались обратно⁷⁹. Полевые этнографические материалы в сочетании с немногими историческими источниками, освещающими этот вопрос, позволяют проследить переселение разных групп иомутов из одной местности в другую в течение 100 с небольшим лет.

⁷⁵ Б. И. Вайнберг. Туркменские поселения по Дарьялыку, стр. 121. Т. П. Васильева. Итоги работы туркменского отряда..., стр. 453.

⁷⁶ Агехи. Гульшен-и-девлет, МИТТ, т. 2, стр. 580 и 581; Я. Г. Гулямов. История орошения Хорезма, стр. 229.

⁷⁷ А. Г. Гулямов. Указ. работа, стр. 231, 233; В. В. Бартольд. События перед Хивинским походом 1873 г. по рассказу хивинского историка. В кн.: Кауфманский сборник, М., 1910, стр. 11—12; Полевые записи автора за 1955 и 1956 гг.

⁷⁸ Г. П. Васильева. К этнографии туркмен восточных районов Ташаузской области. Рукопись.

⁷⁹ Очень многие хозяйства земледельцев, переселившихся в Уз и на земли Ханабата с территории Тахтинского района, после прекращения орошения этих территорий вынуждены были возвратиться к своим сородичам на старые места, увеличив и без того значительное количество безземельных туркмен (Полевые записи автора, 1959 и 1960 гг.).

Так, например, иомуты родов машрык, бага, бехельке и коджук (они входили в отделение кара-чока) перед коллективизацией занимались земледелием в местностях Таджик-ой и Кетгенли-ой, орошавшихся в очень небольших количествах и нерегулярно водой из Дарьялыка, попадавшей в старый магистральный канал Шамурат. Часть хозяйств этих родов вела скотоводческое хозяйство. По рассказам информаторов этих родов, их отцы и деды вели земледельческое хозяйство на атлычных землях.

Первым местом обитания предков этих групп туркмен в Хивинском ханстве была территория Тахты, куда иомуты кара-чока перекочевали с юга по приглашению Хивинского хана на рубеже XVIII и XIX вв. (по подсчетам информаторов, 156—160 лет тому назад⁸⁰). К югу от базара Тахта им были выделены земли, но заниматься земледелием оказалось чрезвычайно трудно, так как давно жившие вокруг Тахты иомуты отделения байрам-шали (салак, орсукчи, ушак), пользуясь своей силой и правами, полученными от хана, вытеснили кара-чокинцев из Тахты⁸¹. Примерно 100—110 лет тому назад большая часть рода кара-чока переселилась в район крепости Кандум-кала⁸². Здесь поселились роды коджук, бага, бехельке и машрык; наиболее зажиточные из машрыков ушли к Айбугиру и занялись скотоводством. Кара-чокинцы, переселившиеся на земли Ханабада, некоторое время вынуждены были арендовать землю у местных туркмен на условиях уплаты половины урожая; позднее хан наделил их атлычными землями.

В документах архива хивинских ханов встречается упоминание о наделении атлыками в верхней части канала Шамурат ряда представителей родов машрык и бехельке в 1867—1870 гг.⁸³ Таким образом, удается документально подтвердить время поселения этой группы иомутов отделения кара-чока в районе Центрального Шамурата и проследить их судьбы на протяжении более 100 лет. Потомки этой группы туркмен и были в основном организаторами колхо-

зов им. Ворошилова и им. 8-го Марта, переведенных затем на вновь орошенные земли к северо-западу от Куня-Ургенча.

В Тахта осталась часть рода коджук; члены этого рода поддерживали тесные связи со своими сородичами из Куня-Ургенчского района.

Аналогично коджукам оказались отколотыми от своей основной группы иомуты рода ушак; незначительная часть их потомков живет в колхозах к востоку от Куня-Ургенча, а большинство — в районе Тахты. Потомки иомутов (салак, орсукчи, окуз) также расселены по различным колхозам Ташауза.

В данной статье нет необходимости подробно освещать вопрос расселения туркменского населения Ташауза, этому вопросу посвящена специальная статья автора⁸⁴. Здесь мы хотели показать, что туркмены, обитавшие в Хорезмском оазисе с XVI в., были не временными пришельцами, а постоянными его обитателями. Они селились на западных окраинах оазиса, так как вели комплексное хозяйство, сохранению которого способствовали сложные политические условия жизни Хивинского ханства в XV—XIX вв. и колебание водного режима Аму-Дарьи, также зависевшее от политических событий. Те же причины вызывали передвижения туркменских племен внутри ханства и уход некоторых из них (аланы, салыры, текинцы и др.) из оазиса.

* * *

Иранские и хивинские источники по истории Хивинского ханства XVIII и XIX вв. почти ничего не говорят о характере занятий туркмен; они описывают в основном военные действия между туркменами и хивинским войском или участие туркмен в походах против других областей и государств в составе хивинского войска. Несколько больше сведений о занятиях хорезмских туркмен в XIX в. имеется в работах русских путешественников и военных деятелей⁸⁵. Однако эти сведения чрезвычайно отрывочны и подчас противоречивы. Видимо, поэтому Ю. Э. Брегель приходит к ошибочному выводу, что в XVIII в. иомуты и човдоры «продолжали вести преимущественно кочевую жизнь», «не закрепляя за собой

⁸⁴ Г. П. Васильева. Объяснительная записка к карте Ташаузской области. Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана. М., 1961.

⁸⁵ Н. Н. Муравьев. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 гг. ч. 1 и 2. М., 1822; Г. И. Данилевский. Описание Хивинского ханства. Записки Русского географического общества, кн. 5. СПб., 1851; М. И. Иванов. Хива и река Аму-Дарья..., СПб., 1873; А. Л. Кун. От Хивы до Газавата. Материалы для статистики Туркестанского края, вып. 4. СПб., 1876; Н. И. Гродеков. Хивинский поход 1874 г. СПб., 1888.

⁸⁰ Полевые записи автора, 1956, 1960 гг.

⁸¹ По словам информаторов Аннаклычева Каракула и Юсупова Хуммета (1956 г.), один из салаков—Сары-сердар—был аталыком у хана Медреима (Мухамед-Рахим, хан Хивинский, 1806—1825 гг.). В хивинских хрониках в связи с походами Мухамед-Рахим-хана неоднократно упоминается иомутский предводитель Сары-сердар, или Сары-карнай-сердар (МИТТ, т. 2, стр. 400—412, 415 и др.). Возможно, что это одно и то же лицо. Следует отметить, что салаки находились в привилегированном положении сравнительно с другими иомутскими родами, что наши информаторы объясняют как старшинство происхождения, так и ролью салакских предводителей при ханском дворе.

⁸² П. П. Иванов. Архив хивинских ханов. Л., 1940, стр. 187.

⁸³ Ю. Э. Брегель. Хорезмские туркмены, стр. 251.

определенных районов и не перешли к оседлости»⁸⁶ и что «иомуты к началу XIX в. в основном были еще кочевниками»⁸⁷.

Этнографические материалы служат важным дополнением к этим немногим письменным источникам и позволяют их правильно истолковывать. Таким образом, если те же письменные источники использовать в сочетании с полевыми материалами и особенно с подробными биографическими сведениями, полученными от стариков, становится ясным, что мнение о кочевом образе жизни хорезмских туркмен в XIX в. сложилось у русских авторов в результате неглубокого, поверхностного знакомства многих из них с жизнью туркмен.

Уже в XVIII в. иомуты, получив от хана земельные участки на территории Тахтинского района, с того времени не покидали этих земель. Они вели комплексное хозяйство, сочетая земледелие со скотоводством. В поисках новых земельных участков уходили лишь отдельные хозяйства, не обеспеченные землей; особенно сильным это движение стало, как говорилось выше, в середине XIX в., когда многие туркмены Тахты ушли на вновь обводненные старые плодородные земли в западной части ханства.

При полукочевом характере хозяйства иомутов удельный вес земледелия довольно легко, в силу тех или иных причин, мог уменьшаться за счет увеличения роли скотоводства; однако иомутское население в этом районе сохранялось даже в самых неблагоприятных условиях и в самые бурные в военном отношении годы⁸⁸.

Такой же характер носило хозяйство иомутов в Куня-Ургенче, с той только разницей, что здесь было больше хозяйств богатых скотоводов, которые оставляли на своих земельных участках бедных, зависимых от них сородичей или (это совершенно определенно можно сказать для конца XIX в.) сдавали свои земли в аренду, предпочитая кочевать со стадами⁸⁹ на Кыре (Устюрт) и возле озера Айбугир.

⁸⁶ Ю. Э. Брегель. Хорезмские туркмены..., стр. 23.

⁸⁷ Там же, стр. 45, 49.

⁸⁸ В годы, когда вследствие недостатка воды или в случае военных столкновений нельзя было заниматься земледелием, зажиточные хозяйства уходили со скотом в пустыню, а бедняки подчас становились угольщиками (кемурчи), собирая саксаул и пережигая уголь на границе пустыни с оазисом. Продукцию свою они сбывали в городах узбекам. (Полевые записи автора от 9. VI 1951, 16. I 1956, 14. VII 1959 гг. и др.; МИТТ. т. 2, стр. 511).

⁸⁹ Полевые записи автора от 9—15. XVI 1956 г.; Гиршфельд и Галкин. Военно-статистическое описание Хивинского оазиса, ч. 2, Ташкент, 1903, стр. 66 и 67.

Нередко на кочевья в этот район приходили зажиточные скотоводы из Тахта. Земледелие в районе Куня-Ургенча было неустойчиво из-за нерегулярного снабжения водой основной магистрали Хан-яба⁹⁰. В те годы, когда в Хан-ябе не было воды, земледелие сохранялось у «озерных» иомутов (коль-иомут), живших вокруг озер в местностях Кара-ходжа-ой, Алиян-мечет, Баш-арык и др. Иомутов этой группы можно считать наиболее типичными представителями полуседлого населения⁹¹.

Озера располагались цепочкой к северу и северо-западу от Куня-Ургенча и пополнялись водой во время разливов Аму-Дарьи. Из озер были выведены арыки, вдоль которых лежали поля иомутов. Но главный земельный массив составляли площади вокруг озер, орошаемые затоплением. До конца уборки урожая напор поднимающейся воды сдерживался при помощи специальных дамб, ограждавших спад воды из одного озера в другое. В начале августа дамбы разрушали и воду пускали на поля⁹².

Основная масса «озерных» иомутов принадлежала к роду машрык; кроме них, здесь же жили представители других родов кара-чока, а также кемки, кара-ходжа и салаки⁹³.

Из-за недостатка воды как у «озерных» иомутов-земледельцев, так и у тех, которые жили к западу и юго-западу от них и орошали поля арычной водой, главными культурами были озимая пшеница (гуйзлык) и бахчевые, которые созревали до наступления жары и не требовали летних поливов. Посевы яровой пшеницы (язлык), проса (дары), кун-

⁹⁰ Гиршфельд и Галкин. Указ. работа, стр. 121.

⁹¹ Т. А. Жданко. Проблема полуседлого населения в истории Средней Азии и Казахстана. Советская этнография, № 2, 1961, стр. 58.

⁹² Земледелие возле озер с искусственным задержанием вод при помощи плотин известно у туркмен-хыдыр-эли в XIX в. (см. Г. П. Васильева. Этнографический маршрут в центральных районах Чарджоуской области ТССР и в Бухарской области УзССР, Краткие сообщения Института этнографии, вып. 26, 1957, стр. 130; Она же. Работы Туркменского этнографического отряда в 1954—1956 гг., стр. 175), а по археологическим материалам — в более раннее время (С. П. Толстов, А. С. Кесь, Т. А. Жданко. История средневекового Сарыкамышского озера. В кн.: Вопросы геоморфологии и палеогеографии Азии. М., 1955, стр. 62—66).

⁹³ Полевые записи автора, 1951, 1956 гг. В. Г. Мошкова в небольшой заметке «Этнографическая экспедиция в Ташаузскую область», помещенной в газете «Комсомолец Туркменистана» от 8 декабря 1940 г., дает характеристику социальным отношениям у этой группы туркмен в конце XIX в. Некоторые сведения о земледелии у «озерных» иомутов приводит Г. Е. Марков в своей работе «Очерк истории формирования северных туркмен», М., 1961 г.

жута (кунджи), ячменя (арпа) и особенно хлопка (элговача) были возможны лишь в многоводные годы⁹⁴.

Землю вспахивали омачем, в который впрягали быков. В некоторых хозяйствах вместо быков использовали верблюдов. Маломощные хозяйства объединяли свой скот и обрабатывали участки поочередно или прибегали к найму тяглового скота у богатого соседа, отдавая ему за это до $\frac{1}{4}$ урожая.

Иомуты разводили овец, крупный рогатый скот, верблюдов и лошадей. Последние два вида животных в средних хозяйствах насчитывались единицами⁹⁵. Патриархально-феодальные отношения у иомутов выражались, в частности, в сохранении родовых поселений⁹⁶. Земледельцы жили родственными группами на ябах (каналах). Все туркмены, жившие на небольших ябах, объединялись в отдельные аксакальства. Селения скотоводов состояли из двух-трех близко-родственных семей.

Скотоводы и земледельцы почти всегда были связаны родственными узами. У хорезмских иомутов едва ли не до периода коллективизации в значительной степени сохранялись большие семьи, ведущие комплексное земледельческо-скотоводческое хозяйство. Такая семья состояла из семей отца и нескольких взрослых сыновей или из семей родных братьев. Обычно семья одного из женатых сыновей занималась скотоводством, выпасая общий скот, в то время как остальные члены большой семьи занимались земледельческими работами в оазисе. На время весенней и осенней стрижки, для сбора овечьего молока и т. д. стада пригонялись к культурной зоне, и часть членов большой семьи шла на помощь чабану. С другой стороны, на периоды сбора урожая, если было нужно, члены семьи скотовода приходили на помощь своим родственникам-земледельцам⁹⁷. Часто стадо состояло

из скота, принадлежавшего нескольким самостоятельным родственным семьям; в таком случае мужчины одной из таких семей становились чабанами. За это другие семьи, имевшие свой скот в стаде, обрабатывали посеvy семьи чабана⁹⁸.

Мы не ставили перед собой задачи дать характеристику социальных отношений у хорезмских иомутов в конце XIX—начале XX вв. Этот вопрос заслуживает специального исследования⁹⁹. Однако следует сказать, что даже при сохранении множества пережитков патриархально-родовых отношений глубокое социальное неравенство отчетливо проявлялось в эксплуатации бедняков их богатыми сородичами. Зачастую к стаду крупного бая присоединялся скот его нескольких небогатых родственников, которые в качестве компенсации за выпас скота обязывались либо обрабатывать землю своего «покровителя», либо работать пастухами в его хозяйстве.

Женщины из семей зависимых родственников бая также работали в его хозяйстве, помогая в обработке продуктов животноводства¹⁰⁰.

Многие бедняки, как уже говорилось выше, арендовали землю у богатых сородичей, отдавая им от $\frac{1}{5}$ до $\frac{3}{4}$ части урожая¹⁰¹.

Между скотоводами и земледельцами существовал обмен продуктами.

Несмотря на то, что основной культурой иомутов-земледельцев была пшеница, очень часто им не хватало своего хлеба. Это ставило их в сильнейшую зависимость от ханской власти и было одним из средств воздействия на этих «непокорных подданных». Хан искусственно поднимал цены на продаваемое иомутам из его казны зерно, запрещая частным лицам продавать зерно туркменам¹⁰².

⁹⁸ Полевые записи автора 1951, 1959 гг.

⁹⁹ В конце XIX в. у туркмен господствовали патриархально-феодальные отношения. Естественно, что у разных групп туркмен степень их развития была различна. Ю. Э. Брегель в своей работе «Хорезмские туркмены в XIX в.» отводит характеристике социальных отношений хорезмских туркмен того времени специальную главу (стр. 118—175). Однако с его характеристикой нельзя согласиться, так как он сильно занижает уровень социально-экономического развития туркмен (см. Указ. работа, стр. 140, 143, 170 и т. д.).

¹⁰⁰ Полевые записи автора, 1951 и 1956 гг.

¹⁰¹ Полевые записи автора, 1956 г.; Архив МВД ТССР, ф. 616, оп. 1, д. 66, л. 93. Сведения архива относятся к началу XX в.

¹⁰² П. П. Иванов. Удельные земли Сейид-Мухаммед-хана Хивинского. Записки Ин-та Востоковедения АН СССР, т. 6, стр. 38; Гельмерсен. Хива в нынешнем своем состоянии. В кн.: Отечественные записки, т. III, № 2, 1840, стр. 111. См. также Н. М. Муравьев. Путешествие в Туркмению и Хиву, ч. 2, М., 1822, стр. 81.

⁹⁴ Полевые записи автора, 1956 г.; Архив МВД ТССР, фонд 616, оп. 1, д. 67, л. 13. В материалах Архива указывается, что посеvy пшеницы занимали 95% всей засеваемой площади (см. там же, ф. 125, оп. 38, д. 11, л. 1).

⁹⁵ Полевые записи автора от 6, 9 и 21. VI 1951 г., а также за 1956 г. Небольшое количество верблюдов и лошадей в хозяйстве хорезмских туркмен в конце XIX в. отмечает и Ю. Э. Брегель (Указ. работа, стр. 63—64).

⁹⁶ О поселениях отдельных родовых групп см. Г. П. Васильева. Итоги работ Туркменского отряда за 1948 г., стр. 452 и 453; Б. И. Вайнберг. К истории туркменских поселений в XIX в. в Хорезме. Советская этнография, № 5, 1959; Она же. Туркменские поселения по Дарьялку (Мат. Хорезмской экспедиции, вып. 4).

⁹⁷ Полевые записи автора за 9 и 21. VI 1951; 9. и 2. VII 1956 г.; 1959—1960 гг. О сохранении больших семей у машрыков в конце XIX в. писала и В. Г. Мошкова (указ. статья в газ. «Комсомолец Туркменистана»).

Таким образом, мы видим, что по полевым материалам полукочевой характер хозяйства иомутов легко устанавливается для конца XIX в. Используя немногие сведения письменных источников¹⁰³ и полевые материалы, можно утверждать, что и в более раннее время (во всяком случае весь XIX в.) для хорезмских иомутов был характерен тот же тип хозяйства.

Ю. Э. Брегель, основываясь на тех же письменных источниках, дает в общем правильную картину полукочевое хозяйство туркмен Хорезмского оазиса, в частности иомутов, в середине XIX в. Однако он почему-то упорно не желает признавать термины «полуоседлое население» и «полукочевое хозяйство», более всего подходящие для характеристики этого типа хозяйства, и полемизирует с Т. А. Жданко, которая правильно относила «большинство туркмен»¹⁰⁴, а не «всех без исключения», как пишет Ю. Э. Брегель¹⁰⁵, к группе-полуоседлого населения.

Ю. Э. Брегель считает туркменское население Хорезмского оазиса кочевым, не успевшим достаточно прочно осесть на землю.

Основные черты хозяйственного уклада полуоседлого населения, чрезвычайно четко определяемые Т. А. Жданко¹⁰⁶, точно совпадают с теми, которые Ю. Э. Брегель характеризует хозяйство хорезмских иомутов в середине XIX в. Наши полевые материалы, собранные в разных районах Ташаузской области в 1948, 1951, 1955—1956, 1959 и 1960 гг., позволяют утверждать, что иомуты Хорезмского оазиса не оседающие кочевники, а исконные земледельцы и столь же исконные скотоводы, издавна ведущие комплексное хозяйство; они правильно выделяются Т. А. Жданко в самостоятельную группу полуоседлого населения. Об этом свидетельствуют также, как указывалось выше, умение хорезмских иомутов использовать малейшую возможность для орошения своих полей, способность быстро переходить от земледелия к скотоводству и от скотоводства к земледелию в зависимости от природных условий и политической ситуации.

¹⁰³ МИТТ, т. 2, стр. 169 и 338. Из истории сношения России с туркменами в XVIII в. «Красный архив», № 2(93), 1939, стр. 238; см. также: Н. Н. Муравьев. Указ. работа, ч. 2, стр. 29; Г. Данилевский. Указ. работа, стр. 94.

¹⁰⁴ Т. А. Жданко. Указ. работа, стр. 58.

¹⁰⁵ Ю. Э. Брегель. Указ. работа, стр. 53.

¹⁰⁶ Т. А. Жданко. Указ. работа, стр. 57—59; см. также Т. А. Жданко. Патриархально-феодальные отношения у полуоседлого населения Средней Азии. Материалы Первой всесоюзной научной конференции востоковедов. Ташкент, 1958, стр. 628—638; С. И. Руденко. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках. Географическое об-во Союза ССР. Материалы по этнографии, вып. I, Л., 1961.

Этот тип хозяйства полуоседлых земледельцев был характерен для предков туркмен-огузов и в раннем средневековье; он был охарактеризован С. П. Толстовым в статье «Города гузов» более десяти лет тому назад¹⁰⁷.

Работы археологических отрядов Хорезмской экспедиции в последующие годы доказали существование комплексного хозяйства у племен Приаралья и в более раннее время, в эпоху бронзы, и позднее — в эпоху раннего и развитого средневековья.

Хорезмские туркмены (човдоры, иомуты), так же как другие народы Хорезмского оазиса (каракалпаки, узбеки-аралы и присырдарьинские казахи) — прямые потомки племен Приаралья, сохранили и донесли до наших дней комплексное хозяйство и полуоседлый быт.

¹⁰⁷ С. П. Толстов. Города гузов. Советская этнография, 1947, № 3.